
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

M.V. Gorbachev
**Russia and Europe: Civilizational
Projects in the Political Discourse
of V.V. Putin**

Political projects are considered as a methodological basis for the analysis of communicative practices at the level of civilization in the official rhetoric of Vladimir Putin. Key discursive trends of civilizational identification of Russia with Europe are distinguished. Special attention is paid to the principles of constructing civilizational discourses based on political projects and project-oriented thinking in general.

Key words and word-combinations: political communication, civilizational discourse, discursive trends, political leaders, Vladimir Putin.

Рассматриваются политические проекты как методологическая основа анализа коммуникативных практик цивилизационного уровня в официальной риторике В.В. Путина. Выделяются ключевые дискурсивные тренды цивилизационной идентификации России с Европой. Отдельное внимание уделяется принципам построения цивилизационных дискурсов, основанных на политических проектах и проектном мышлении в целом.

Ключевые слова и словосочетания: политическая коммуникация, цивилизационный дискурс, дискурсивные тренды, политические лидеры, В.В. Путин.

УДК 327
ББК 66.4(0)

М.В. Горбачёв

РОССИЯ И ЕВРОПА: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В.В. ПУТИНА¹

Политические изменения, происходящие в России в последние несколько десятилетий, часто интерпретируются с точки зрения их взаимозависимости с глобальной политикой. В связи с этим особую важность приобретают методологические модели, которые способны объяснить подобные трансформации. Одной из таких объяснительных моделей может выступать цивилизационный подход. Обращение к макрокультурным кодам в процессе исследования тенденций современной политической реальности в России характерно как для отечественного (А.С. Ахиезер, А.Г. Здравомыслов, Я.Г. Шемякин, С.И. Семёнов, А.Г. Дугин и др.), так

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-0300112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

и для зарубежного научного сообщества (З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Ш. Эйзенштадт и др.), а также многих российских и иностранных политических деятелей.

Цивилизационное объяснение политики, предлагаемое политическими лидерами, может интерпретироваться с различных точек зрения и подходов. Считаем, что применение проектной методики оценки дискурсов ключевых российских политиков (в частности, В.В. Путина, Д.А. Медведева и др.) будет наиболее эффективным для структурирования их коммуникативных практик глобального уровня.

Цивилизационный дискурс В.В. Путина относительно взаимодействия России и Европы отличается наличием разнообразных многовекторных трендов. Они видоизменялись в зависимости от динамичности внутрисоссийских и особенно внешнеполитических процессов. В то же время существует ряд основополагающих аспектов, на которых основываются дальнейшие направления развития политического дискурса Президента РФ. Один из них затронут в заявлении лидера Российского государства, сделанном в конце 1990-х — начале 2000-х годов: «Как ни горько признаваться в этом, но почти семь десятилетий мы двигались по тупиковому маршруту движения, который проходил в стороне от столбовой дороги цивилизации» [1]. В 2005 г. В.В. Путин продолжил этот дискурсивный тренд и подчеркнул, что в результате распада СССР «десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории. Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию» [2].

Одновременно в период с 1999 по 2005 г. неоднократно отмечалось, что реформы 1990-х годов, как политические, так и экономические, сделали возврат России на общецивилизационный путь (рынок и демократия) наиболее вероятным вариантом развития событий. Так, В.В. Путин полагал, что «несмотря на все трудности и промахи, мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество. Только этот путь, как убедительно свидетельствует мировой опыт, открывает реальную перспективу динамичного роста экономики и повышения уровня жизни народа. Альтернативы ему нет» [1]. «Образцы» развития общества и государства на этом общецивилизационном пути существуют, однако лидер Российского государства утверждает, что они не носят характера «непреложной истины», то есть рынок и демократия имеют ряд общих черт, но в каждом обществе и государстве приобретают свою специфику. В данном контексте прослеживался европейский вектор цивилизационной ориентации России. Так, лидер Российского государства в интервью западным СМИ в начале 2000-х годов неоднократно заявлял, что «Россия, США и Западная Европа принадлежат к “христианской цивилизации и европейской культуре”» [3, с. 7].

Также в первой половине 2000-х годов В.В. Путин подчеркивал, что возврат России к европейской цивилизационной общности может привести к росту уровня культурной самоидентификации после периода слабого проявления этой тенденции (эпоха СССР). Такая позиция прослеживалась как во внутриполитическом дискурсе российского лидера, так и во внешнеполитической риторике министра иностранных дел РФ вплоть до августа 2008 г. Так,

глава МИД заявлял, что «неопределенность относительно будущего мироустройства во многом была связана с ослаблением России после распада СССР. Создавалось впечатление, что нашу страну попросту списали как материал для нового территориально-политического передела мира, — перспектива, с которой Россия уже сталкивалась, например, в начале XVIII века» [4, с. 6]. В то же время проводилась мысль, что цивилизационная идентичность России восстанавливается. Она проявляется в возрастающей связи с европейскими обществами. В частности, подчеркивалось, что «на нынешний вызов мы также отвечаем радикальными политическими и экономическими реформами, которые идут в русле европейского выбора, но с сохранением вековых традиций России. ... страна восстановила свою внешнеполитическую самостоятельность — теперь уже как суверенное демократическое государство» [4, с. 6].

Тем не менее указывалось, что страны европейского сообщества не всегда поддерживают данный вектор цивилизационной ориентации России. Так, М.Д. Налопат полагает, что «Франция и Германия не хотят помогать России встраиваться в европейскую матрицу — разве что в роли подчиненной державы» [5, с. 4]. Это объясняется тем, что усиление роли России в структуре европейской цивилизации может привести к снижению влияния Германии и Франции как ключевых игроков Европейского союза. Данная специфика, по мнению автора, берет свое начало еще в 1990-х годах, и именно поэтому «Ельцин не мог обеспечить приемлемые условия для интеграции России в Европе, несмотря на свои многочисленные уступки» [5, с. 4].

В обозначенном дискурсивном тренде прослеживается позиция, согласно которой «Россия не стремится к гегемонии в Европе» [6, с. 7]. Однако большинство европейских политических лидеров в начале 2000-х годов проводили альтернативный дискурсивный тренд, подчеркивая, что Россия «...на тактическом уровне без колебаний воспользуется слабыми сторонами ЕС. Эксплуатируя внутренние разногласия в рамках Евросоюза, Россия предпочитает строить отношения с его странами-участницами по отдельности, а не иметь дело с “единым фронтом”» [6, с. 9]. В данном контексте указывалось, что Россия предпочитает извлекать преимущества из своих двусторонних связей с Германией, Францией [7] и другими важными странами ЕС, например, Италией, Испанией, Грецией и Португалией.

Обозначенная особенность находит отражение и в конкретных политических решениях и действиях, в частности в специфике постановки ряда ключевых вопросов, затрагивающих интересы России, на саммитах Россия—ЕС в 2000-е годы. Так, очередной из них (который проходил в Екатеринбурге в 2013 г.), где обсуждались перспективы Европейского союза, будущее евро и западной цивилизации, был назван западными и российскими политиками (А. Мешков, Ж.-К. Юнкер) «одним из самых тяжелых за последние годы» [8, с. 8]. Ряд специалистов связывают это с тем, что отдельные страны Европейского союза так или иначе заинтересованы «...в сохранении конфронтации, характерной для холодной войны. Антагонизм холодной войны мог бы продолжиться при более низком уровне напряженности между Востоком и Западом, чем это было в прошлом, но при полном окончании холодной войны новых проблем стало бы больше, чем решенных» [9, с. 11]. В связи с этим многие интеграционные

проекты в сфере экономики рассматриваются политизированно, что в своем официальном дискурсе неоднократно подчеркивает В.В. Путин.

Одновременно в дискурсе зарубежных политических элит присутствует мысль, что ограничивать интеграцию России в европейскую цивилизационную общность нецелесообразно в силу наличия у нее альтернативных «центров притяжения». Отмечается, например, что «если Запад не сможет убедить Россию в необходимости “особых взаимоотношений”, то в ближайшие двадцать лет не Европа, а Китай и Индия станут получать наибольшую выгоду от природных богатств России, и ось глобального политического и экономического развития сместится соответствующим образом» [10, с. 12]. Тем не менее, несмотря на все опасения стран ЕС относительно усиления влияния России в европейской политике, в европейском общественно-политическом дискурсе встречается идея, согласно которой «в конечном счете, решение России (а решение, несомненно, будет принимать именно она) о том, объединяться с Западом или нет, станет определяющим фактором для долгосрочного процветания западной цивилизации» [10, с. 13].

Кроме того, утверждается, что есть возможность «...переписать определение “западной демократии”, включив в нее Россию, как мы уже однажды сделали это, включив в нее Германию и Японию» [10, с. 19]. Тем самым подчеркивается важность стратегического выбора Москвы в сторону Европы [11, с. 6]. Однако в дискурсивных практиках ряда европейских политиков преобладает тренд, что данный стратегический выбор напрямую зависит от цивилизационных интересов США. Так, выступая в феврале 2013 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, вице-президент США Д. Байден «предложил создать Трансатлантическую зону свободной торговли, в которую вошли бы США и Евросоюз» [12, с. 7]. Россия в указанном контексте рассматривалась как второстепенная держава, чьи интересы могут оказать противоречивое воздействие на этот интеграционный проект.

Тем не менее, как неоднократно утверждалось российскими политиками в интервью китайской прессе, «глобальная экономика уже вступила в период всестороннего развития, который не полностью зависит от предоставляемых Соединенными Штатами рынков» [13]. Более того, подчеркивалось, что сам факт существования описанной проблемы связан прежде всего с наследием так называемой холодной войны. Об этом свидетельствуют дискурсивные практики представителей и российской (В.В. Путин, Д.А. Медведев, С.В. Лавров и др.), и американской (Д. Буш, Б. Обама и др.) официальной власти. Ряд западных политиков, поддерживая российско-европейскую интеграцию последних двадцати лет, полагают, что необходимо отказаться от мышления эпохи холодной войны и перейти на прагматические, экономически обоснованные взгляды [8, с. 96].

Взаимопроникновение дискурсивных трендов относительно общецивилизационной среды России и Европы наблюдалось в риторике политиков ЕС и их отечественных коллег вплоть до 2007–2008 гг. В дальнейшем их интенсивность с обеих сторон значительно снизилась. На первый план вышли дискурсы относительно политических проектов США в Европе. Дискурсивное пространство российского Президента в данном контексте можно разделить на два «смысловых поля». К первому относится непосредственное взаимодействие с США.

Ко второму — отношения с США и НАТО, где это государство играет ключевую роль. Основные тренды первого направления были заложены в 2001 г. (тезис о многополярности мира в эпоху глобализации и невозможности решить многие проблемы из одного центра), а озвучены на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. Тогда В.В. Путин заявил, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. <...> ...сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации» [14].

Исходя из этого, постулировался принцип необходимости многополярного мира, который способен более эффективно обеспечивать глобальную безопасность. В указанном контексте особо отметим специфику политики России в ООН относительно решений, предлагаемых США. Так, согласно статистическим данным, «Москва все чаще использует Совет Безопасности ООН для ослабления или блокирования американских инициатив. В 1990-е годы Россия два раза воспользовалась своим правом вето в СБ ООН, а в период с 2000 по 2012 год она применяла вето восемь раз» [15, с. 15]. Шагом к формированию многополярной системы может стать более интенсивная интеграция России в европейское сообщество. О таком варианте восстановления многополярности говорил В.В. Путин в одном из своих выступлений. В частности, он сообщал, что необходимо «формирование гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока» [16]. Европейскому сообществу, таким образом, предлагалось объединить усилия с целью восстановить нарушенный баланс сил и равновесие в современном мире. При этом, по мнению итальянского эксперта Ж. Жеронимо, все действия США, которые направлены на дезинтеграцию возможных блоковых объединений и недопущение формирования альтернативных центров силы в современном мире, В.В. Путин назвал «рефлексом холодной войны, который стоит на службе односторонней политики американской державы и ее стремления к мировой гегемонии» [17].

Главной проблемой на пути формирования многополярного мира, основанного на альянсе цивилизаций, называлась «порочная практика игнорирования большинства взаимных проблем и концентрация усилий лишь на традиционных направлениях сотрудничества — сферах безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и торговли энергоносителями» [12, с. 6]. В частности, эта проблема касается вопросов взаимодействия России с блоком США — НАТО (включая проблему, связанную со строительством США элементов ПРО в Европе). Так, в официальном дискурсе В.В. Путина отмечалось, что «...процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия» [14]. В данном контексте указывалось на то, что в период завершения холодной войны и прекращения существования СССР и ОВД давались обещания «...не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ», что «...дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности» [14]. В то же время, утверждает Президент РФ, «...НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия» [14].

Аналогичные по содержанию дискурсивные тренды можно найти и у некоторых западных аналитиков. Так, давая оценку деятельности НАТО, они полагают, что «...Европа и Россия стоят перед общими вызовами. Россия же заменила концепцию периода холодной войны моделью, характерной для предшествовавшей ей эпохи: Москва настаивает на соблюдении “баланса сил”, разграничении “зон интересов” и геополитике с явным преобладанием геοэкономики» [18]. В данных высказываниях выражалась идея о том, что НАТО как единственная глобальная международная организация должна стать более полицентричной, то есть учитывать не только вертикальные, но и горизонтальные связи. Необходимы постоянные контакты между такими центрами силы, как Россия, США и ведущие страны Европы [19]. Эта особенность связывалась с тем, что процессы глобализации охватили не только западную цивилизацию, но и большинство восточных культур.

Таковы отдельные дискурсивные тренды официальной риторики В.В. Путина, которые формируют цивилизационно-политическую позицию России в современном мире. На наш взгляд, основы такого проектного мышления состоят в следующем. Во-первых, несмотря на все проблемы и противоречия в отношениях России и ЕС, указывается на их общие социокультурные основания, которые должны, по мнению российского Президента, преодолеть кризисные тенденции и способствовать выходу политического сотрудничества на новый уровень. Во-вторых, сближение России и восточных государств (Индии, Китая и др.) сегодня не получает должного социокультурного объяснения. Напротив, указывается на наличие противоречий между их культурными моделями развития и российской. В-третьих, действия США и НАТО позиционируются как попытка сохранить однополярный мир и не допустить формирования так называемого альянса цивилизаций, под которым понимается потенциальное российско-европейское сотрудничество, способное развиваться прежде всего в сфере геοэкономики, но не геополитики.

Библиографический список

1. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html
2. Послание Президента РФ Путина В.В. Федеральному Собранию РФ от 25 апр. 2005 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/
3. Cohen A. Response gone awry // The Washington Times. 2004. Sept. 19. P. 3–7.
4. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. С. 4–12.
5. Nalapat M.D. Will Putin take back Russia? // Pakistan Observer. 2011. Sept. 16. P. 3–6.
6. Trenin D. Russia Redefines Itself and Its Relations with the West // The Washington Quarterly. 2007. March 20. P. 4–9.
7. Афанасьева С.Н. Политические проблемы международных отношений и глобального развития: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
8. Горбачев М.В. Антикризисные проекты в цивилизационных дискурсах современных российских политических лидеров. Саратов, 2015.
9. Миршаймер Д. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // Россия в глобальной политике. 2008. № 6. С. 7–19.
10. Petro N. Russia as friend, not foe // Asia Times. 2007. Febr. 17. P. 11–19.

11. Злобин Н. Ограниченные возможности и возможные ограничения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 4–10.
12. Лукьянов Ф.А. Запад сосредотачивается: почему США и ЕС могут объединиться // Россия в глобальной политике. 2013. № 3. С. 2–12.
13. У Фэй. Вступление России в ВТО означает большие трудности для Китая. URL: <http://inosmi.ru/fareast/20120828/197361278.html>
14. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (Мюнхен, 10 февр. 2007 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
15. Ларисон Д. Америко-российские отношения и «Доктрина Путина» // Американский консерватизм. 2013. 13 марта. С. 13–19.
16. Путин: Россия готова строить с ЕС единое экономическое пространство. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1639694>
17. Стратегия России: прохладная война на евразийской шахматной доске: интервью с Ж. Жеронимо. URL: <http://inosmi.ru/russia/20120508/191659928.html>
18. Шерп Д. Россия и Запад: переоценка. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10632
19. Неприемный день в НАТО: обзор еженедельников. URL: <http://inosmi.ru/world/20080411/240760.html>

Yu.V. Dyachenko
The Analysis of the Culture of Democracy in the Modern States through the Prism of Constitutionalism

The culture of democracy as one of the descriptions of modern societies' political sphere in the context of their constitutionalism development level exposure is examined. As a result of the authorial analysis the direct dependence of the degree of development of the culture of democracy in the states is deduced on the constitutional grounds of their state administration.

Key words and word-combinations: culture of democracy, constitutionalism, rating.

Рассматривается культура демократии как одна из характеристик политической сферы современных обществ в контексте выявления уровня развития в них конституционализма. В результате авторского исследования обнаружена прямая зависимость степени развития в государствах культуры демократии от конституционных оснований их государственного управления.

Ключевые слова и словосочетания: культура демократии, конституционализм, рейтинг.

УДК 321
ББК 66.03

Ю.В. Дьяченко

**АНАЛИЗ
КУЛЬТУРЫ ДЕМОКРАТИИ
В СОВРЕМЕННЫХ
ГОСУДАРСТВАХ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

Восприятие демократии как наиболее распространенной сегодня формы правления осуществляется благодаря высокому уровню демократической культуры в каждой конкретной стране. Она характеризует наличие в общественной жизни рамок, определяющих законность существующей формы правления, определяет и предписывает нормы политического и правового поведения граждан, а также способствует